

Дмитрий ШОСТАКОВИЧ: МУЗЫКА РОЖДАЕТСЯ В ТИШИНЕ

В ТИШИНЕ кабинета Дмитрия Дмитриевича Шостаковича я слушал его рассказ о недавней зарубежной поездке, и еще — о его планах.

— С чего началась поездка? — на мгновение задумался Дмитрий Дмитриевич. — В Дании существует Фонд Соннинга. Раз в год он присуждает премию музыкантам. Я оказался десятым лауреатом этой премии и был приглашен в Копенгаген. В это время там состоялась в Королевском театре премьера моей оперы «Катерина Измайлова». Постановка произвела на меня хорошее впечатление, особенно музыкальная часть ее, которой руководил специально приглашенный для этого польский музыкант Казимеж Корд — воспитанник Ленинградской консерватории и нынешний дирижер оркестра радио в Катовице.

Так вот, после одного из спектаклей мне и вручили награду.

Полученный в этот день диплом буду всегда беречь, а денежную часть премии — 60 тысяч датских крон — я передал в Советский фонд мира.

В Копенгагене состоялся также симфонический концерт из моих произве-

дений. Концерт прошел хорошо, хотя на репетициях пришлось поволноваться: не все получалось сразу.

Дальше — надо было ехать в США. Северозападный университет в Эванстоне (городок рядом с Чикаго) присвоил мне почетное звание доктора. Из Копенгагена мы попали во французский порт Гавр, где сели на наш теплоход «Михаил Лермонтов», он совершал свой первый рейс в США.

Скажу честно, большего удовольствия в жизни я не испытывал. Все сейчас очень спешат (и я в том числе), летают за считанные часы на другой конец света, а мне это недельное путешествие запомнилось навсегда. Я никогда еще не видел таких закатов и восходов, какие бывают в открытом океане, таких красок воды и неба. Сам «Михаил Лермонтов» — замечательный теплоход. Об этом уже много писали и у нас и за рубежом. Не буду повторяться. Скажу только о прекрасной художественной самодеятельности команды корабля. Она — не хуже некоторых профессиональных коллективов. Моряки танцевали, пели, играли на музыкальных инструментах — и все

это производило очень хорошее впечатление.

Приехав в Нью-Йорк, мы сразу окунулись в тамошнюю музыкальную жизнь. Слушали «Аиду» Верди

в «Метрополитен-опера». Побывали в «Карнеги-холл» на концерте симфонического оркестра под управлением Пьера Булеза. Этот композитор последнее время очень увлекся дирижированием и преуспел в этом. Однако он ввел неожиданное новшество. Из партера были вынесены стулья и их заменили подстилками на полу. Это были места для молодежи: юноши и девушки — кто сидя на корточках, кто по-турецки, а кто просто лежа — слушали концерт с серьезной программой из произведений Вебера, Брамса, Стравинского и классика американской музыки Айвса.

Эксперимент этот проводился впервые и, судя по реакции, понравился. У меня он вызвал двойное чувство. С одной стороны, исполнение было выше всяких похвал. Но вид партера, открыто говоря, вызывал протест, и вот почему: у нас ходят на концерт, как на праздник, а такое будничное отношение к серьезной музыке, мне кажется, воспитывает в людях фамильярное, пренебрежительное отношение к ней.

Дмитрий Дмитриевич взял со стола

толстый том дневника, открыл его, и еще раз посетовав на то, что во время поездки вел его неаккуратно, продолжил:

— В Чикаго было жарко, больше сокола. Во время церемонии вручения диплома в зале было душно, да меня еще облачили в черную мантию. Но прием был сердечный. Собралось много народа — в этот день вручали дипломы не только докторам, но и просто окончившим университет. Под конец все мы совершили шестые под мою «Праздничную увертюру».

В Нью-Йорке был прощальный ленч, на который приехали музыканты из многих городов. Все, с кем я встречался в эти дни, выражали полное удовлетворение поворотом к лучшему в советско-американских отношениях. Мне говорили, что, когда два таких выдающихся народа — советский и американский — будут жить в дружбе и мире, это станет залогом мира для всех людей планеты.

Мне и раньше случалось встречаться с американскими журналистами на пресс-конференциях. Но никогда еще не было так много вопросов, касающихся развития наших отношений, советской культуры, музыки. Особенно высоко расценивался визит Леонида Ильича Брежнева в США, с его результатами люди доброй воли связывают надежды на будущее.

Я привез из США и буду показывать в Москве записи старой американской

музыки. Мы ее почти не знаем. А тут найден какой-то совершенно новый, свежий и самобытный пласт. Подарил эти записи музыковед-фольклорист доктор Лоунс. Он проделал большую работу, чтобы найти и прочесть их. Там есть чудесные песни — светские, духовные, а также похожие по характеру на наши русские свадебные, застольные. Пожалуй, знакомство с ними — для меня самое сильное музыкальное впечатление от поездки...

Теперь вот вернулся домой к своим делам и друзьям. Среди них замечательные музыканты, с которыми связаны десятки лет. Когда я пишу музыку, то часто слышу конкретного исполнителя, голос его инструмента — скрипки, альты, виолончели. Совсем недавно закончил квартет. Посвятил его виолончелисту, профессору Сергею Петровичу Ширинскому — бессменному участнику квартета имени Бетховена.

Собираюсь сделать еще одну работу, которая может показаться неожиданной. В будущем сезоне в Москве будет вновь поставлена оперетта И. Штрауса «Летучая мышь». Для некоторых номеров ее собираюсь сделать другую оркестровку, а кое-что отредактировать. Вообще-то дел много, но я считаю, что для работы годится любое время года и любой час суток. Иногда ночью в тишине вдруг найдешь то, что и днем с огнем не сыщешь...

Д. МИХАЙЛОВ.